

ГДЕ МЫ? ОТКУДА МЫ? КУДА МЫ ИДЕМ?

В.М. АЛЛАХВЕРДОВ

Аллахвердов Виктор Михайлович — президент Санкт-Петербургского психологического общества, председатель Экспертного совета РПО, заведующий кафедрой факультета психологии СПбГУ, доктор психологических наук, профессор. Автор книг и статей по теоретической психологии, методологии психологических исследований, экспериментальной психологии сознания, психологии искусства, игровым методам обучения и т. д.
Контакты: crhome@mail.rcom.ru

Резюме

Рассматриваются вечные проблемы психологии, до сих пор не имеющие удовлетворительного решения (природа сознания, проблема свободы выбора). Утверждается, что именно намеренные попытки уйти от решения этих проблем, сделать вид, что их не существует, приводят психологию в кризисное состояние, порождают разброд мнений психологов. Дается описание типичных способов избегания проблем. Выражается надежда, что психология находится на том этапе своего развития, когда она наконец станет настоящей теоретической наукой.

Ключевые слова: наука, психология, сознание, свобода выбора, объяснение

Является ли психология обычной наукой? Или она — особая наука, у которой все, не как у других? Или она вообще сродни искусству? Что сегодня надо делать психологу: развивать практику, строить теории, проводить эксперименты или заботиться о душе? Сколько разных позиций, сколько жарких споров и взаимного непонимания!

Конечно, если демаркационная линия между наукой и не-наукой проводится только на основании социальных критериев, как считает, например, А.В. Юревич (Юревич, 2005), то и обсуждать нечего. Ведь то, что существуют психологические науки, прописано в нормативных актах и известно чиновникам. Но, поскольку все-таки наука отличается

от любой другой человеческой деятельности по иным основаниям, вопрос о научном статусе психологии отнюдь не праздный. Разумеется, далеко не все в мире является наукой. Искусство, религия, производство, политика, спорт, кулинария, да и сама жизнь не могут считаться наукой. Констатация этого никак не затрагивает престижа науки, но и, разумеется, не лишает смысла другие занятия, к науке прямого отношения не имеющие. Поэтому вопрос: а наука ли психология? — сам по себе не ущемляет интересов психологии.

Великие философы, обсуждавшие психологические проблемы, многократно предупреждали: психология как наука невозможна. Объясняли они это по-разному. Но подспудно понимали: перед психологией стоят столь мучительные вопросы, что даже самая изощренная философия не знает, где искать на них ответ. Куда уж тут молодой науке! Но тогда, полагали они, и начинать самостоятельный путь бессмысленно — все равно рано или поздно окажешься в тупике. Первые психологи сами эти вечные вопросы понимали, но решить не могли, а потому искали возможность не обращать на них внимания. Я рассмотрю две такие проблемы и различные попытки психологов (в течение почти 150 лет) с ними справиться. Это позволит, как мне кажется, оценить состояние современной психологии и, быть может, понять, почему сейчас в психологии такой разброд и шатания.

Самая первая проблема — **онтология сознания**. В. Вундт в своей гейдельбергской программе сформулировал эту проблему так: как в глубинах нашего разума зарождается

сознание? Предполагается, что сознание должно возникнуть из чего-то, что само не является сознанием. Но как такое могло произойти? Трудно даже представить, какой ответ на этот вопрос мог бы выглядеть удовлетворительным. Поэтому уже в лейпцигский период В. Вундт предлагает обходной маневр. Химики, мол, тоже не знают, ни что такое вещество, ни как оно возникло, но тем не менее успешно раскладывают это вещество на элементы и находят периодический закон. Давайте и мы, психологи, разложим сознание на элементы, авось тоже откроем законы связи этих элементов.

Но вот напасть: в рамках такого подхода экспериментально обнаружилось, что в сознании содержится нечто, самим человеком не осознаваемое: установки, смутные переживания, неосознаваемые детерминирующие тенденции, ограничения на возможности осознания и пр. У. Джеймс приводит поясняющее наблюдение. Представьте, что вы припоминаете забытую фамилию. В вашем сознании возникает ощущение пробела, т. е. отсутствия этой фамилии в сознании. Однако поразительно: пробел от одной забытой фамилии, например *Абрикосов*, переживается иначе, чем пробел от другой забытой фамилии, скажем *Овсов*. Мы осознанно замечаем различия в словах, хотя сами эти слова в сознании не содержатся. Из всего этого следует, что сознание однозначно разложить самое себя на элементы не способно, поскольку в нем содержится нечто такое, о чем оно не знает. Другого же пути вычленять элементы сознания придумать не удалось. Идти далее в этом направлении было бесполезно.

Впрочем, до сих пор психологи, толком не понимая природы психики и сознания, обожают расчленять их на части. Правда, уже не выражая уверенности, что в итоге наступит какое-либо существенное просветление. Обильные классификации, когда-то имевшие, наверное, определенную дидактическую ценность, постепенно «превратились в теоретическую догму» (Зинченко, Назаров, 1996, с. 12). Психика невянятно делится на процессы, состояния и свойства; процессы бессмысленно делятся на ощущение, восприятие, представление и пр. При этом классификации, как правило, строятся на разных основаниях (например, речь и воля как психические процессы явно по разным основаниям отличаются от памяти). И нет никаких критериев, позволяющих те или иные явления считать или, наоборот, не считать отдельным психическим процессом, свойством или состоянием. Как решить, почему *понимание* — это всего лишь часть мышления, *воображение* — самостоятельный процесс, а *вера* вообще не является процессом? Почему концентрация и распределение внимания — это разные свойства одного процесса, а не два разных процесса? И что мешает их вообще считать двумя разными *состояниями* внимания? (см. подробнее: Аллахвердов, 2003, 2008).

Французская психологическая школа (Т. Рибо, П. Жане и др.) предложила иной подход к сознанию, взяв за основу медицинский принцип Брюссэ (1828): знание нормы получается благодаря изучению болезни. Болезнь — это эксперимент, проведенный природой. Анализируя нарушения сознания, мы сможем по-

нять, что же такое нормальное сознание. Вот П. Жане наблюдает женщину, страдающую каталепсией: ей поднимают руку, и рука застывает в неподвижности минут на двадцать. Что же у нее нарушено? «Вы скажете мне, — пишет П. Жане (2009, с. 47–48), — что я обращаюсь к странным больным, имеющим психические проблемы, довольно сложные, подчас плохо известные нервные заболевания. Речь не идет о психике в норме. Я с вами здесь не соглашусь. Думаю, не стоит быть слишком тщеславными: все мы в чем-то похожи на этих больных. У нас — аналогичные предрасположенности. Если мы обратим взор на самих себя, мы увидим множество кататонических состояний, которые есть у каждого». Вот способ рассуждения П. Жане: раз больные могут застывать в неподвижности, тем более это может делать здоровый человек. Итак, что же, по мнению П. Жане, нарушено у больной? Она плохо умеет прерывать эти состояния.

Такой стиль аргументации существует до сих пор. Не счесть психологов, утверждавших: раз человек в состоянии гипноза может вспомнить то, что он не помнит в норме, значит, в норме он все это тоже помнит, но просто не имеет к этому сознательного доступа. Вот более современный пример. Всем, наверное, известен синдром саванта (savant — фр. «ученый») — явление, при котором человек с серьезными нарушениями психики, включая расстройства аутистического спектра, обладает выдающимися способностями в одной или нескольких областях, например, в математике, рисовании, музыке и т. п. Группа исследователей из Центра

изучения разума при Австралийском национальном университете в Канберре утверждает, что «психический механизм, который позволяет савантам молниеносно осуществлять сложнейшие арифметические вычисления (перемножать, делить, извлекать корни, определять простые числа), присущ всем нам, хотя в норме мы не имеем к нему доступа и не знаем, зачем он вообще может быть нужен» (Snyder, Mitchell, 1999; Snyder, Bossomaier, Mitchell, 2004).

Теперь, казалось бы, надо ответить: зачем же все-таки наше сознание в норме блокирует свои феноменальные счетные способности, феноменальную память и пр.? П.Я. Гальперин из совсем других соображений описывает парадоксальность подобных ситуаций. Правда, пишет об этом так, как будто само наличие парадокса что-то объясняет: «В психических отражениях открывается даже меньше того, что есть в их основе, в физиологических отражениях ситуации. Но именно это “меньше” и открывает новые возможности действия!» (Гальперин, 1976, с. 61) Но почему если «меньше», то появляется нечто большее? Неизвестно. В целом подход к пониманию сознания через исследование его нарушений лишь еще больше запутал картину. Но разве это столь уж удивительно? Трудно ожидать, что по разрозненным черепкам разных разбитых амфор можно восстановить узор на хотя бы одной из них.

Другая группа психологов исходит из того, что сознание порождается социальными процессами. Это выглядит совсем невероятным. Ведь тогда социальное должно существовать до того, как возникло сознание.

Даже если на заре человечества наши древние предки смогли каким-то образом в бессознательном состоянии созидать неведомые в животном мире социальные отношения и беседовать друг с другом, ничего не осознавая, то что им мешало продолжать свою бессознательную социальную жизнь? Вот размышления Л.С. Выготского о возникновении сознания. Он пишет: «Всякая функция в культурном развитии ребенка появляется на сцене дважды, в двух планах, сперва — социальном, потом — психологическом, сперва между людьми, как категория интерпсихическая, затем внутри ребенка, как категория интрапсихическая» (т. 2, с. 145). Интериоризация рассматривается как процесс перевода внешнего (социального) во внутренний план. Но ведь для такого перевода независимо от существования внешнего плана уже должен существовать внутренний план (сознание), иначе внешний план не во что будет переводить. Но тогда данное объяснение никак не объясняет возникновения сознания.

Проблема становится еще выпуклее при обсуждении конкретных примеров. Например, по Л.С. Выготскому, вначале запоминание осуществляется как внешняя деятельность, посредством завязывания узелков «на память», а уже затем возникают внутренние мнемические процессы, в которых завязывание этих узелков осуществляется не реально, а идеально. Однако человек может завязывать узелки на память «в идеальном плане» только в том случае, если он предварительно обладает этим «идеальным планом», т. е. сознанием. В противном случае, где и что он будет

завязывать после интериоризации? А вот Л.С. Выготский рассматривает историю развития указательного жеста как «древней основы всех высших форм поведения» (т. 1, с. 143). Вначале указательный жест ребенка представляет собой просто неудавшееся хватательное движение, направленное на далеко отстоящий предмет. Его руки, протянутые к предмету, остаются висеть в воздухе. Но тут на помощь ребенку приходит мать. «В ответ на неудавшееся хватательное движение ребенка возникает реакция не со стороны предмета, а со стороны другого человека» (т. 1, с. 144). Постепенно и сам ребенок начинает относиться к своему движению как указанию, но приходит к осознанию этого последним. Так пишет Л.С. Выготский. И не замечает проблемы. Когда мать в ответ на протянутую руку ребенка подает ему игрушку, ребенок осознает этот факт? Но тогда он должен уметь осознавать еще *до реакции матери*, а значит, данное объяснение происхождения сознания ничего не объясняет. А если ребенок не способен осознать реакцию матери, то с чего вдруг сам по себе этот факт порождает процесс осознания?

Нерешенность онтологической проблемы приводит к прямым попыткам ее устранения. Самый радикальный способ предложили бихевиористы. Поскольку никто не знает, что такое сознание, то давайте просто исключим этот термин из научной психологии. Однако спрятать голову в песок — не самый эффективный способ решения проблем. Весьма пресные, а часто и противоречивые результаты их исследований — вот итог развития психологической концеп-

ции, лишенной психики и сознания. З. Фрейд заявляет прямо противоположное: нечего даже обсуждать, что такое сознание, ни у кого по этому поводу нет никаких сомнений (Фрейд, 1989, с. 343). Ну а если все знают, что такое сознание, то зачем его изучать? Давайте исследовать бессознательное. Правда, о нем вообще ничего не известно, кроме того, что оно очень похоже на сознание, но одновременно и не является сознанием вовсе. При таком неопределенном предмете исследования не удивительно, что данная конструкция при всей гениальности построившего ее мастера насыщена непроверяемыми утверждениями, логическими кругами и противоречиями (см.: Аллахвердов, 2000). Считается, например, что мучающие человека внутренние конфликты специально удерживаются в бессознательном, чтобы избавить от них сознание. Но как только с большим трудом, зачастую с помощью психоаналитика эти проблемы входят в сознание, то происходит исцеление (избавление от конфликтов). Зачем же надо было их удерживать?

На фоне этих не слишком удачных попыток решения проблемы природы сознания возобновляются древние представления о сознании как о принципиально внеприродной сущности или, в более современной версии, как об особом принципиально неизвестном физическом процессе. Хотя некоторые физики сами подогревают размышления такого рода, но пока все же эти взгляды лежат за пределами серьезной науки. Ибо заведомо непостижимое может, конечно, вдохновлять на поиск, но не может являться предметом научных

изысканий. Тем не менее движение в этом направлении обычно сопровождается заявлениями о том, что психология — это особая наука, которая изучает то, о чем никто ничего не знает и знать не может. Но можно ли это назвать наукой?

Некоторые психологи пытаются уйти от онтологической проблемы, описать не само сознание, а то, что оно делает. И сталкиваются с еще одной вечной проблемой — **свободы выбора** (философы также называют эту проблему **этической**). Вот два верных высказывания, которые, однако, несовместимы друг с другом: верно, что не бывает поведения без побудительных причин, т. е. любое действие чем-либо детерминировано; но так же верно, что человек свободен в выборе своих действий, что он может по собственному выбору соглашаться или не соглашаться что-либо сделать. Если принять только первое утверждение, то сознание ничего не может делать, а все решения человека причинно обусловлены (не так важно чем — генетикой, средой, воспитанием, ситуацией, опытом или чем иным). Отсюда следует, что человек не несет ответственности ни за какие свои поступки. Но тогда быть ли ему героем, святым, преступником или обывателем не зависит от самого человека. Если принять только второе утверждение, то это значит, что человек принимает решения без каких-либо оснований и побудительных причин, не подчиняясь никаким законам, его поведение находится «вне каузальных отношений бытия» (Н.А. Бердяев), не может быть прогнозируемо, не подлежит научному описанию и пр., и пр. Ни одна из этих крайностей не может

быть принята отдельно, а обе вместе ведут к противоречию: человек, конечно же, свободен в своем выборе, но его поведение и выбор причинно обусловлены. Как снять возникшее противоречие?

Это противоречие обсуждалось еще в античные времена. В Новое время Р. Декарт описывал его так: признаем, что все предопределено божественным провидением, тем самым, необходимо (Декарт, 1989, с. 329–330). Но столь же ясно, что людям присуща свобода. Остается лишь констатировать: нашим конечным умом не понять бесконечное могущество Бога. Такое решение, однако, не было признано удовлетворительным. Г. Лейбниц даже заявил, что оно противоречит законам философских споров (Лейбниц, 1989, с. 327). И. Кант высказал более тонкую мысль: всякий опыт подчиняется законам природы, а свобода, по определению, этим законам не подчиняется. Поэтому разум может только мыслить о свободе, однако в опыте с ней не может столкнуться. «Но там, где прекращается определение по законам природы, нет места также и *объяснению* и не остается ничего, кроме *защиты*, т. е. устранения возражений тех, кто утверждает, будто глубже вник в сущность вещей, и потому дерзко объявляет свободу невозможной» (Кант, 1994, с. 241). Итак, оба великих философа признали одновременно и свободу, и детерминизм. Но ведь логически это несоединимо, приводит к противоречиям, которым не место в науке. Как быть?

Психологи часто различают два вида детерминации: *внешнюю*, когда причины, детерминирующие поведение

человека, связаны с объективными условиями; и *внутреннюю*, обусловленную причинами, находящимися внутри личного Я. Однако подобные построения весьма темны. Вот как это разделение поясняет В. Франкл. Допустим, вы забрались на очень высокую гору и у вас возникло чувство подавленности и тревоги. Эти чувства могут быть вызваны внешней причиной — недостатком кислорода. Но эти же чувства могут возникнуть благодаря субъективному основанию, например, в случае сомнения в своем снаряжении или тренированности. Сами эти субъективные основания, однако, чем-нибудь детерминированы? Если да, то о какой свободе идет речь? Если же они ничем не детерминированы, то откуда возникают? Франкл разъясняет так, что и вопросы далее нет смысла задавать. Он утверждает: *правильная формула: свобода, несмотря на детерминизм*. И пишет: «Человек — это компьютер (т. е. строго детерминированная система.— В.А.), но одновременно он нечто бесконечно большее, чем компьютер» (Франкл, 1990, с. 81).

Рассмотрим, как человек может принимать решение при совместном действии двух (или большего числа) факторов. Одни причины требуют действия А, а другие — действия Б. Как должен повести себя человек? Должен существовать какой-то алгоритм принятия решения, например: сравни силу действия причин и подчиняйся «более сильной», а в случае невозможности выбрать более сильную причину используй

случайный выбор. Но если такой или подобный ему алгоритм принятия решения существует, то, значит, никакой свободы нет. А если предположить обратное и считать, что алгоритма принятия решения не существует, то каким образом вообще может быть принято решение? Изменение взгляда на детерминизм (мол, детерминизм множественный, нелинейный, вероятностный и т. д.) не решает проблемы. Так, если на поведение влияет случай или незначительные обстоятельства в точке бифуркации, то именно случай или обстоятельства определяют поведение, а не активность сознания.

Г. Фехнер для важной частной задачи определил, что делает психика. Поскольку интенсивность действующего стимула воспринимается сознанием в логарифмической шкале, то психика, согласно сформулированному им закону, логарифмирует интенсивность стимула. Г. Гельмгольц, изучая физиологию органов чувств, выявил, что при оценке расстояния до предмета человек делает, не осознавая этого, тригонометрические расчеты. В сознание путем этого «бессознательного умозаключения» попадает результат сделанного расчета как раз в виде осознания расстояния до предмета. Эти замечательные достижения породили надежду на то, что, описав психические преобразования для разных классов задач, мы во многом поймем, что происходит в сознании¹. Но ведь при этом само сознание ничего не делает, оно остается пассивным

¹ Ни Г. Фехнер, ни Г. Гельмгольц, разумеется, прямо подобного не утверждали. Они были хорошо философски образованы. Но такова сама логика их исследований.

приемником информации, полностью зависящим от стимуляции. Гештальтисты заменили преобразования над одиночными стимулами на преобразования над всем воспринимаемым полем, над целостной ситуацией. Но от этого сознание не стало обладать активностью. Не удивительно, что К. Левина волновал вопрос: как человек может встать над полем? К. Левин предположил: не только существующая в данный момент ситуация, но и предвосхищение в сознании будущей ситуации позволяет человеку проявить свою волю. Но если предвосхищение строится автоматически на базе прошлого опыта и наличной ситуации, то человек все равно не проявляет никакой свободы. А как иначе возникает предвосхищение?

Оживились физиологи. Психологи в тупике, потому что ищут не там. Мозг — это потрясающе сложная машина, о работе которой мы знаем пока совсем чуть-чуть. Именно в нем происходят какие-то процессы, которые автоматически приводят к осознанию. Кто в итоге должен разрабатывать психологию? Конечно же, физиологи, отвечает И.М. Сеченов. Вот как он описывает путь, который при этом предстоит пройти: из психологии исчезнут блестящие, всеобъемлющие теории; в ее научном содержании будут страшные пробелы, на место объяснений в огромном большинстве случаев выступит лаконичное «не знаем»; сущность сознательных явлений останется во всех без исключения случаях непроницаемой тайной (подобно, впрочем, сущности всех явлений на свете) — и тем не менее психология сделает огромный шаг вперед.

И далее делает естественный вывод: раз мозг — автомат, раз сознание порождается мозгом, значит, и сознание — это автомат. Следовательно, свобода выбора — это самообман (Сеченов, 1949, с. 242–243). Спустя сотню лет другой физиолог, П.В. Симонов (1981, с. 168–179), также заявляет об отсутствии проблемы свободы выбора. Дело не в описании свободы (ибо таковой, уверяет П.В. Симонов, нет), а в поиске причин *кажимости* свободы. Существуют, утверждает П.В. Симонов, детерминированные неосознаваемые процессы. Человек способен осознать только результат этих процессов. Но для самого сознания полученный результат, естественно, *кажется* неожиданным, ничем не детерминированным. Но зачем вообще нужно осознание?

Когнитивная наука развивает как успехи нейрофизиологов в изучении информационных процессов в мозге, так и достижения последователей Г. Фехнера и гештальтистов в изучении процессов неосознаваемой переработки информации. В итоге изысканий когнитивистов стало совсем уж непонятно, зачем нужна сознательная переработка информации. Как было показано во множестве исследований, неосознанно переработка информации осуществляется и быстрее, и полнее, и точнее. Безсознательное пронизывает даже процессы социального взаимодействия, формирование смыслов, постановки целей и пр. Дж. Барг и М. Фергюсон пишут: «Самые высшие психические процессы, которые традиционно служили ярчайшим примером проявления свободы выбора и воли человека, — направленность на достижение

поставленной цели, вынесение моральных суждений, межличностное взаимодействие — осуществляются в отсутствие сознательного выбора и контроля» (Bargh, Ferguson, 2000, p. 926). Б.М. Величковский приводит примеры того, что неосознанно человек принимает решения о совершении действия за 300–500 мс до того, как осознает, что хочет это действие осуществить. И комментирует это так: «В ряде случаев есть все основания полагать, что чувство волевого усилия — это просто иллюзия, дающая нам видимость объяснения причин наших действий». Но добавляет: «Эти факты, видимо, еще недостаточны, чтобы в принципе поставить под сомнение свободу воли» (Величковский, 2006, с. 338–339). Беда-то в том, что никакие факты никогда напрямую не смогут ни подтвердить, ни опровергнуть свободу воли. Наличие свободы — это вопрос теории, а не опыта. Но важно подчеркнуть, что две рассматриваемые проблемы (онтологическая и этическая) становятся все более тесно связанными друг с другом.

Ряд исследователей сегодня утверждают: сознание есть эмерджентная функция мозга. Как поваренная соль обладает свойствами, не подлежащими объяснению ни свойствами натрия, ни свойствами хлора, из атомов которых она состоит, так и мозг обладает присущим ему свойством осознавать. Однако снова проблема: мы способны достаточно однозначно определить, что понимаем под поваренной солью, но мы не знаем, о чем говорим, когда используем термины «психика» и «сознание». Как в итоге решить: является ли сознание эмерджентным свойством

всего мозга или только какой-либо его подструктуры (не важно, анатомической или функциональной)? А может, сознание является эмерджентным свойством всего организма, а не только мозга? Предложенное эмерджентистами решение несколько напоминает (в современном варианте) стиль рассуждения средневековых схоластов. Вспомните Мольера: почему опиум вызывает сон? Врачи в его пьесе отвечают: потому что он обладает свойством снотворного действия. Сравните: почему мозгу присущи сознание, интенциональность или *qualia*? Потому что, мол, мозг обладает соответствующими эмерджентными свойствами. Сама по себе позиция мольеровских врачей не бессмысленна: они заявляют тем самым, что именно опиум, а не иное лекарство вызывает сон. Равно и высказывание о том, что сознание является свойством, присущим мозгу, — важное утверждение. Однако подобие пугает.

М. Велманс, не принимая эмерджентизм, пытается в рамках очень похожей конструкции объяснить воздействие сознания на мозг (Velmans, 2002, 2009). У мозга есть присущие ему свойства, которые одновременно могут быть описаны и как процессы в мозге с точки зрения третьего лица, и как субъективные переживания, которые могут быть описаны с точки зрения первого лица, однако сведение к одному языку описания невозможно. Изменение субъективных переживаний тем самым автоматически вызывает изменение мозговых процессов, потому что сами эти субъективные переживания (или *ментальные события*) и есть мозговые процессы, только выраженные на

ином языке. Но разве от такого «объяснения» становится понятнее?

Все испробованные в течение нескольких тысячелетий версии решения этической проблемы невозможно перечислить. Но ни одна из этих версий так и не смогла полно и непротиворечиво объяснить, каким образом человек, поведение которого причинно обусловлено, может совершать свободные, т. е. ничем не детерминированные, поступки. В итоге Н. Хомский признается: в исследовании проблемы свободы воли нет прогресса, нет даже плохих идей. А поэтому, приходит он к выводу, ее не надо и решать (см.: Хорган, 2001, с. 247–248). Может, для лингвиста Н. Хомского эта проблема и не столь принципиальна, но как быть психологам? Ведь если отказаться от свободы воли, то это одновременно означает и отказ от активности личности.

Всегда, когда нет хороших идей, расцветают иррациональные школы. Раз беспричинность не подлежит рациональному осмыслению, значит, поведение свободного человека вообще не может быть понято. Человек легче поддается эмоциям, чем рациональным аргументам, и только интуиция (необъяснимая мистическая способность проникать в суть вещей) помогает ему каким-то образом быть адекватным реальности. Вооруженные этой философской идеей возникают и соответствующие подходы в психологии. Феноменологи, опираясь на идеи, восходящие к Э. Гуссерлю, пытаются установить исходные базовые формы описания мира. Задумайтесь о какой-нибудь вещи, призывал Э. Гуссерль, варьируйте ваше представление, фантазируйте,

расширяйте горизонты. Предполагается, что таким путем можно постичь общую форму думания о любом объекте. То, что во всех размышлениях остается инвариантным, — это, мол, и есть необходимая форма размышления о вещи вообще. Но почему в итоге должно что-то остаться, а не обратиться в пустоту — неизвестно (метод весьма похож на способы опустошения сознания, развитые в мистических системах Востока). Да и не решает такой подход никаких проблем: ведь сознание должно вначале существовать и обладать формами думания.

Конструктивисты более конкретны. Они утверждают: сознание не отражает мир, а конструирует его. И разрабатывают вполне объективные методы, позволяющие выявлять используемые сознанием конструкты описания мира. В таком подходе, безусловно, есть своя правда. Психологи постоянно доказывают: мы видим только то, что понимаем, мир в нашем восприятии искажается *до узнаваемости*, из памяти вытесняется то, что *не соответствует* нашим ожиданиям, и т. д. Иначе говоря, сознание действительно старается подгонять мир под свои конструкты. Но ключевой вопрос: эти конструкты подлежат проверке и корректировке? Если да, то как? Ведь, согласно конструктивистам, сознание воспринимает мир только с помощью уже построенных конструктов. Но тогда как возможно соотнесение с реальностью, если последняя никак сама по себе не присутствует в сознании? Если же конструкты не подлежат проверке, то патологическое описание реальности, вообще говоря, ничем не должно отличаться от нормального.

Краткий итог. Психология, не найдя ни одного удовлетворительного подхода к решению фундаментальных проблем, не смогла, да и не могла построить ни одной хорошей научной теории. Все существовавшие и существующие концепции содержат явные противоречия и нестыковки, при том что в каждой из них содержится много верного. Накопленные замечательные экспериментальные данные лишь еще больше подчеркнули глубину нашего непонимания. Тем не менее ни один ученый не может работать, не зная дороги, по которой ему надо идти. Не может он и ждать новых идей, которые придут в голову другому. Поэтому каждый толковый ученый в этой ситуации нашел для себя свою удобную нишу. Попробую дать описание основных существующих ниш.

Большинство стало заниматься практикой, утверждая, что именно решение практических задач будет способствовать возникновению фундаментальных идей. Однако практика – это ремесло в исполнении многих и искусство в исполнении мастеров. Великие художники (в том числе и великие психологи-практики), конечно же, расширяют наше видение, порождают новые смыслы, формируют культуру. Но еще никогда в истории человечества художники не стояли у истоков фундаментальной науки. Леонардо напрасно объявляют чуть ли не отцом естественной науки. Да, он был не только

великим живописцем, но и великим изобретателем (что тоже есть искусство²). Однако его занятия фундаментальной наукой вряд ли стоит считать чем-то более значительным, чем игру на скрипке Эйнштейна или писание пьес Галилеем. Технология в принципе применяется вне зависимости от наличия у нее какого-либо логического обоснования. Критерием правильности практического действия является его *эффективность*, а не логичность или истинность. Психологи, ставшие практиками, это очень хорошо понимают. В XX в. даже во многих отраслях промышленного производства, в том числе в кожевенной и гончарной промышленности, в металлургии и в различных отраслях сельского хозяйства, вся деятельность осуществляется как своего рода искусство при отсутствии обоснования составляющих операций и процедур и с трудом соотносимое с физическим знанием (Полани, 1985, с. 86). Сегодня можно только радоваться востребованности психологических услуг. Это помогает психологам выживать, привлекает в психологию молодежь. И все же само по себе решение практических задач редко ведет к фундаментальным открытиям.

Другая группа психологов, вдохновленная лозунгами типа «факты — это воздух науки», усердно накапливает эмпирические данные в надежде, что они когда-нибудь приведут к гениальным обобщениям. Для них

---

² Стендаль писал в «Записках туриста»: «...в политике, как и в машинах, главное опыт, а не теория». Значит, еще в XIX в. читатели понимали, что создание новой техники («технэ» в переводе с древнегреческого и есть искусство) — достижение, не связанное непосредственно с развитием науки.

психология — это настоящая наука, сродни физике или физиологии, они изводят ради одного грамма результата тысячи тонн эмпирической руды. Иногда им везет, и они открывают неожиданное явление. А потом без устали его исследуют, проверяя, что произойдет, если изменить те или иные параметры. Смысл их точечных исследований трудно понимаем другими, они общаются в основном с парой десятков энтузиастов по миру, которые изучают это же явление. И с огромным раздражением относятся к всеобъемлющим концепциям, которые к их феномену нельзя непосредственно применить. Их работа не слишком эффективна, но не напрасна. Пусть сами по себе данные, как показывает история науки, не приведут к построению теорий (теории никогда не создаются как индуктивное обобщение данных). Все же грядущие теоретики — авторы революционных идей — получают возможность сразу приравнивать свои построения к уже обнаруженным феноменам.

Третья группа психологов отвергает данную мной оценку положения дел в психологии. И заявляет, что психология — это особая наука. В сильной версии такой позиции объявляется, что психология — настолько особая наука, что в ней допустимо все, в частности любые противоречия. И любая точка зрения имеет равные права на существование. Наиболее яркие представители этой версии разрабатывают собственные подходы, имеют достаточно продуктивно работающих учеников, но, будучи последовательными, не претендуют на взаимодействие и взаимопонимание со сторонниками дру-

гих подходов. Они исповедуют плюрализм и толерантность.

В слабой версии утверждается, что психология — это наука гуманитарного типа. Гуманитарные науки, мол, имеют дело с поведением человека, деятельность которого непосредственно управляется существующими на данный момент у него представлениями о реальности, а те, в свою очередь, меняются, меняется и сам предмет науки (поведение людей), соответственно, вчерашние законы сегодня уже могут стать несостоятельными. Поэтому психология, как и другие гуманитарные науки, только описывает уникальные события и их интерпретирует, а не ищет законы. В рамках такого взгляда разрабатываются (и это, безусловно, позитивно) специфические методы, делаются попытки создания типологий, нередко используются художественные описания и т. д. Фундаментальные проблемы признаются, но они в общем не являются принципиальными для такого подхода.

Еще одна группа полагает, что психология — это не совсем наука в привычном смысле слова. Слишком многое нам неизвестно. Слишком многое покрыто тайной. Представители этой группы пытаются изучать все таинственное, мистическое: особые состояния сознания, сновидения, интуицию, парапсихологические феномены и пр., и пр. Названные ранее фундаментальные проблемы для них не представляют особого интереса, поскольку в психологии — все тайна, а не только проблема сознания или свободы. Думается, что понимание таинственности нашей науки важно для привлечения в нее

ищущих молодых людей. Не случайно любая лекция с демонстрацией гипнотических состояний всегда вызывает интерес у студентов. Но такой подход зачастую уводит от собственно научной психологии в сферу домыслов и непроверяемых мистических откровений.

Наконец, есть группа психологов, уверовавших в Бога и пытающихся соединить научную психологию с религиозным мировоззрением. На мой взгляд, такой подход возможен для практической работы психолога (религия всегда обладала психотерапевтическим эффектом), но не совместим напрямую с наукой: ведь религиозное мировоззрение претендует на то, что оно дает человеку знание Истины, ученый же — только искатель истины, а не ее носитель. Очень трудно всерьез заниматься реальным поис-

ком, заранее зная, где находится то, что ты ищешь.

Все подходы так или иначе работают на психологию. Всех психологов отличает любовь к тому делу, которому они служат. Однако к голосу психологов не слишком прислушивается власть — нет у нее уверенности, что психологи знают нечто важное, поскольку два взятых наугад психолога часто выскажут противоположные позиции. Да и сами психологи чувствуют шаткость своих построений. Тем не менее я уверен, что уже скоро ситуация изменится. Психология прошла славный путь и наконец вышла из детского возраста. Достаточно ярко высветились проблемы, требующие своего разрешения. Думается, психология уже беременна собственным И. Ньютоном. А когда станет ясен общий путь, все сразу соберутся вместе.

Литература

- Аллахвердов В.М.* Сознание как парадокс. СПб., 2000.
- Аллахвердов В.М.* Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб., 2003.
- Аллахвердов В.М.* Ностальгия по теоретической психологии // Вопросы психологии. 2008. № 6. С. 109–118.
- Величковский Б.М.* Когнитивная наука: Основы психологии познания. М., 2006. Т. 1.
- Выготский Л.С.* Собр. соч. М., 1982. Т. 1; М., 1982. Т. 2; М., 1983. Т. 3.
- Гальперин П.Я.* Введение в психологию. М., 1976.
- Декарт Р.* Соч. М., 1989. Т. 1.
- Жане П.* Психологическая эволюция личности. М., 2009.
- Зинченко В.П., Назаров А.И.* Когнитивная психология в контексте психологии. Вступительная статья // Р. Солсо. Когнитивная психология. М., 1996.
- Кант И.* Основоположения метафизики нравов // Собр. соч. М.: ЧеРо, 1994. Т. 4.
- Лейбниц Г.* Соч. М., 1989. Т. 4.
- Полани М.* Личностное знание. М., 1985
- Сеченов И.М.* Избранные философские и психологические произведения. М., 1949.
- Симонов П.В.* Эмоциональный мозг. М., 1981.
- Франкл В.* Человек в поисках смысла. М., 1990.

Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. М., 1989.

Хорган Дж. Конец науки: Взгляд на ограниченность знания на закате Века Науки. СПб., 2001.

Юревич А.В. Психология и методология. М., 2005.

Bargh J.A., Ferguson M.J. Beyond Behaviorism: On the Automaticity of Higher Mental Processes // Psychological Bulletin. 2000. 126. 6. 925–945.

Snyder A., Bossomaier T., Mitchell D.J. Concept formation: «object» attributes dy-

namically inhibited from conscious awareness // Journal of Integrative Neuroscience. 2004. 3. 31–46.

Snyder A., Mitchell D.J. Is integer arithmetic fundamental to mental processing?: the mind's secret arithmetic // Proceedings of the Royal Society: Biological Sciences. 1999. 266. 587–592.

Velmans M. How could conscious experiences affect brains? // Journal of Consciousness Studies. 2002. 9. 11. 3–29.

Velmans M. Understanding consciousness. London;N.Y.: Routledge, 2009.